

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО СТАРЧЕСТВА.

І. Въ поискахъ пути Христова.

(Изъ исторіи дѣтства и юности Молдавскаго старца архимандрита Паисія Величковскаго).

Русское монастырское старчество въ нашемъ до-революціонномъ прошломъ мало было изучено и недостаточно оцѣнено русскимъ обществомъ. Въ послѣдніе же годы, благодаря ряду проходимцевъ, ложно именовавшихся старцами, понятіе о старчествѣ особенно затуманилось, стало сбивчивымъ и противорѣчивымъ. На старчество взвалили столько лжи и грязи, что даже самое слово «старчество» многими стало произноситься со смущеніемъ и неловкостью, а иными даже и съ презрѣніемъ и отвращеніемъ, какъ нѣчто далеко не чистоплотное.

Такое затемнѣніе понятія «старчества», впрочемъ, не удивительно — кто знакомъ съ подвижническою литературою, тотъ знаетъ, какъ трудно бываетъ отличить неопытному мнимаго старца отъ истиннаго. Нужно близко подойти и внимательно приглядѣться къ монастырской жизни, нужно хорошо ознакомиться со святоотеческою подвижническою литературою, нужно узнать исторію старчества, узнать жизнь и дѣятельность его истинныхъ представителей, чтобы правильно судить о старчествѣ.

Русское старчество, какъ и русское монашество, есть въ высшей степени самобытное и своеобразное явленіе русской церковно-народной жизни, тѣсно спаянное съ духомъ и преданіями древняго Православія.

Оно вышло изъ самыхъ нѣдръ народной жизни, изъ самыхъ сокровенныхъ и самыхъ святыхъ стремленій русской души.

Въ нашемъ старчествѣ съ особенною яркостью отобразился духъ нашего русскаго православнаго благочестія. Было бы ошибочно видѣть существо нашего благо-

честія, какъ нѣкоторые полагають, въ изувѣрномъ самоистязаніи, или въ формальномъ обрядовѣриі. Тяготясь грѣховною грязью и суетою міра, русская душа жаждетъ окружить себя такою обстановкою, дать себѣ такія впечатлѣнія, которыя съ особенною силою и наглядностью напечатлѣвали бы въ ней святой ликъ Христовъ и соединяли бы ее со Христомъ, подводили бы ее ко Христу. Идеаломъ русскаго православнаго благочестія всегда было «сидѣніе у ногъ Христовыхъ», благоговѣйное слушаніе Евангельскаго повѣствованія о Его дѣлахъ и страданіяхъ, созерцаніе Его Пречистаго Лика. Наше благочестіе болѣе созерцательное, нежели дѣятельное, болѣе индивидуальное, нежели общественное. И оно совсѣмъ не похоже на благочестіе, положимъ, лютеранъ, которое состоитъ въ изученіи и сознательномъ исполненіи заповѣдей Божіихъ, не похоже и на благочестіе католическое, главная черта котораго послушаніе духовнику. Изъ этой жажды быть около Христа вытекаетъ и наша потребность быть около Пресвятой Богородицы, около Святыхъ Угодниковъ и всѣ другія частичныя особенности нашего благочестія, наша любовь къ богослуженію, къ молебнамъ, акаѣстамъ, къ чудотворнымъ иконамъ и мощамъ, нашъ обычай даже и младенцевъ не лишать причащенія Св. Таинъ Христовыхъ. Все это не есть ни суевѣріе, ни фетишизмъ. Все это есть проявленіе живой и нѣжной любви ко Христу. И мы вѣримъ, что благодать Божія, какъ солнце, всѣмъ свѣтитъ и всѣхъ грѣетъ, и сама находитъ доступъ къ человѣческому сердцу, будетъ ли то сердце младенца, или преступника, и что, кромѣ сознательнаго послѣдованія Христу, котораго мы, конечно, не отвергаемъ, есть еще и подсознательное, таинственное общеніе съ Нимъ. Указанными чертами русскаго благочестія глубоко проникнуты и наше монашество и наше старчество. Воспринявъ эту свою особенность изъ русской вѣрующей души, наше старчество осознало ее, и ею же оказало обратное воздѣйствіе на народную душу. Насколько велико было значеніе монастырскаго старчества для русскаго народа въ до-революціонное время, ясно видно изъ того, что десятки тысячъ русскихъ людей всѣхъ сословій приходили въ монастыри не только для того, чтобы поклониться святынямъ, или очистить душу исповѣдью и причащеніемъ Св. Таинъ, и нравственно отдохнуть и освѣжиться отъ повседневныхъ заботъ и житейской суеты, но и для того, чтобы открыть душу старцу, получить отъ него совѣтъ и наставленіе, услышать ласковое слово утѣшенія и ободренія, найти указаніе выхода изъ затруднительныхъ дѣловыхъ, семейныхъ и личныхъ затрудненій, подойти черезъ старца ко Христу. Русскіе старцы никогда не отгораживались отъ міра непреходимою стѣною, никогда не сторонились отъ жизни съ ея горестями, нуждами и заботами, и двери ихъ келліи во всякое время были открыты для всѣхъ «скорбящихъ и озлобленныхъ, милости Божіей и помощи требующихъ», къ какому бы классу общества они ни принадлежали. Оптинскаго старца іеромонаха Льва, келлія котораго всегда была переполнена больными и несчастными, высшее духовное начальство тѣснило яко-бы за нарушеніе «схимническихъ обѣтовъ», и онъ всегда от-

вѣчалъ: «придите и посмотрите на этихъ несчастныхъ, которые идутъ ко мнѣ, и вы увидите, могу ли я затворить передъ ними двери своей келліи?». Эта близость старцевъ ко всѣмъ скорбящимъ и страдающимъ прекрасно отмѣчена на могильномъ памятникѣ другого Оптинскаго старца іеромонаха Амвросія, гдѣ написано: «Быхъ немощнымъ, яко немощенъ, да немощныя пріобрязу: всѣмъ быхъ вся, да всяко нѣкія спасу». Конечно, старцы имѣли свое пребываніе въ монастырѣ, внѣ нашей обычной мірской среды, и жили особенною, своеобразною жизнью, но это не отдаляло ихъ отъ общей жизни, а только возвышало надъ нею, и давало имъ возможность въ своей монастырской обстановкѣ вырабатывать и сохранять въ себѣ тотъ свѣтлый мирный, радостный и любовный, исполненный простоты и смиренія строй души, котораго такъ недостаетъ мірскимъ людямъ и за которымъ эти мірскія люди и тянутся въ монастырскія келліи. Русскій монастырскій старецъ, по справедливому выраженію В. В. Розанова, какъ бы придвинулъ свою келлію и къ избѣ крестьянина, и къ палатамъ барина для того, чтобы смягчать и преображать ихъ жизнь силою своего мудраго и любовно-терпѣливаго примѣра и наставленія.

Русское старчество, какъ и русское монашество, не есть какое либо сословное, кастовое, узкое, замкнутое въ себѣ установленіе. Оно является какъ бы нѣкоторымъ духовнымъ центромъ, гдѣ сходятся и объединяются всѣ элементы русской жизни. Укажемъ на слѣдующій замѣчательный фактъ: изъ пяти старцевъ Оптиной пустыни, преемственно заступавшихъ мѣсто одинъ другого — первый, о. Левъ, былъ изъ купцовъ, второй, о. Макарій, изъ дворянъ, третій, о. Амвросій, изъ духовнаго званія, четвертый, о. Іосифъ, изъ крестьянъ, и пятый, о. Анатолій, изъ мѣщанъ.

Хотя, какъ мы сказали, русское общество въ общемъ мало знакомо со старчествомъ, и смутно представляетъ себѣ его всенародное духовное значеніе, однако свѣдѣнія о немъ уже давно стали проникать въ русское общество и русскую литературу, и нѣкоторые русскіе писатели давно вошли уже въ непосредственное общеніе съ монастырскими старцами. Такъ Н. В. Гоголь пріѣзжалъ въ Оптину Пустынь и переписывался со старцемъ о. Макаріемъ. Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій имѣлъ сношенія со старцами Филаретомъ (московскимъ) и Макаріемъ (Охтинскимъ) и вмѣстѣ съ послѣднимъ занимался изданіемъ святоотеческихъ переводовъ Молдавскаго старца архимандрита Паисія Величковскаго. Сынъ московскаго лютеранскаго суперъ-интенданта, магистръ классической филологіи Московскаго Университета, Константинъ Карловичъ Зедергольмъ, принялъ монашескій постригъ въ скиту Оптиной Пустыни и составилъ превосходное жизнеописаніе перваго Оптинскаго Старца іеромонаха Льва. Въ Оптину Пустынь пріѣхалъ на жительство и находился подъ руководствомъ старца Амвросія русскій философъ и писатель Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ, написавшій, помимо всего другого, прекрасную біографію о. Климента Зедергольма. Въ Оптину Пустынь пріѣзжали въ 1878 г. для знакомства съ о. Амвросіемъ, Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ и Федоръ Михайловичъ Достоевскій, и по-

слѣдній въ своемъ романѣ «Братья Карамазовы» описалъ и Оптину Пустынь, и находящійся при ней скитъ, и сосѣдній уѣздный городокъ Козельскъ, и далъ художественный, хотя и блѣдный образъ старца Амвросія въ лицѣ старца Зосимы. Непримирымъ врагъ Православія, великій русскій писатель, графъ Л. Н. Толстой, очень любилъ Оптину Пустынь, нѣсколько разъ посѣщалъ ее, бывалъ у старца Амвросія и въ своихъ письмахъ высказалъ совсѣмъ какъ будто къ нему неподходящее сужденіе, что, «если въ сердцѣ русскаго народа сохранился живой и вѣрный образъ Христа, то этимъ онъ обязанъ никому иному, какъ монастырскимъ старцамъ». Незадолго до своей смерти, переживая тяжелый душевный разладъ, гр. Л. Н. Толстой пришелъ въ Оптину Пустынь и къ своей сестрѣ Маріи Николаевнѣ, монахинѣ Казанской Шамординой Пустыни, основанной старцемъ Амвросіемъ въ 12 верстахъ отъ Оптиной, какъ бы ища въ этихъ обителяхъ разрѣшенія своей душевной драмы и облегченія своей тоски. О старцѣ Амвросіи и о сущности русскаго старчества написалъ прекрасную статью В. В. Розановъ. Такимъ образомъ между монастырскими старцами и русской интеллигенціей давно уже установилась нѣкоторая духовная связь. Русская интеллигенція протоптала дорожку къ старческимъ келліямъ. Въ Оптиной Пустыни на кладбищѣ рядомъ лежатъ, русскій философъ Ив. Вас. Кирѣевскій и Оптинскій старецъ іеромонахъ Макарій. На могилѣ Ивана Васильевича начертаны знаменательныя слова, которыя привожу по памяти и потому не со всею буквальною: «Премудрость возлюбихъ и поискахъ отъ юности моей. Увидѣвъ же, яко не инако обрящу, приидохъ ко Господу». Эта духовная связь, возникшая между русской интеллигенціей и русскимъ старчествомъ, есть, можетъ быть, то самое важное и нужное, что осталось намъ отъ до-революціонной Россіи, изъ чего, можетъ быть, вырастетъ и разовьется новая духовно-единая просвѣтленная Россія. Къ этой-то именно духовной связи, можетъ быть, и относится пророчество Ф. М. Достоевскаго, что изъ иноческой келліи придетъ спасеніе Россіи.

Желая ближе подвести русское общество къ русскому старчеству, мы предлагаемъ вниманію читателей нѣсколько очерковъ объ основателѣ современнаго русскаго старчества молдавскомъ старцѣ архимандритѣ Паисіи Величковскомъ, уроженцѣ г. Полтавы. Старецъ Паисій является истиннымъ вдохновителемъ и руководителемъ русскаго монашества XIX вѣка. Своею жизнью, писаніями, и дѣятельностью онъ вызвалъ большое оживленіе и высокій духовный подъемъ въ русскомъ монашествѣ. Онъ создалъ старчество не только, какъ наличный фактъ (такое было и раньше въ нашихъ монастыряхъ), но и к а к ъ ш к о л у, давъ ему твердое обоснованіе въ святоотеческой подвижнической литературѣ, и установивъ при посредствѣ своихъ учениковъ правила, приемы и преданія старчества. Онъ напомнилъ монашеству цѣль духовной жизни, состоящую не во внѣшнихъ подвигахъ, а во внутреннемъ приближеніи къ Богу, въ «духовномъ дѣланіи», въ постоянномъ «вниманіи себѣ», въ борьбѣ со своими грѣховными влеченіями, въ освященіи и просвѣщеніи сердца «умною мо-

литвою». Эта цѣль не можетъ быть достигнута безъ отреченія отъ своей грѣховной воли, безъ подчиненія себя руководству опытнаго наставника, или, за отсутствіемъ его, руководству Слова Божія и писанія Св. Отцовъ. Замѣчая недостатокъ въ его время опытныхъ въ духовной жизни наставниковъ, старецъ Паисій принялъ на себя огромный трудъ перевода съ греческаго языка многихъ святоотеческихъ подвижническихъ книгъ и исправленія прежнихъ ошибочныхъ переводовъ. Въ этомъ его трудѣ, тщательно исполненномъ, заключается его великая заслуга для русскаго монашества и неоцѣнимый вкладъ въ русскую духовную литературу. Въ основанномъ имъ монастырѣ, подъ его руководствомъ, десятки лицъ занимались списываніемъ отеческихъ книгъ въ исправленныхъ и заново сдѣланныхъ имъ и его учениками переводахъ, и эти книги, сначала въ рукописяхъ, а потомъ и въ печатныхъ изданіяхъ широко распространялись по русскимъ монастырямъ. Своими литературными трудами старецъ Паисій возбуждалъ среди монашествующихъ интересъ и любовь не только къ изученію отеческихъ книгъ, но и къ ихъ распространенію и издательству, въ чемъ особенно много потрудились впослѣдствіи Оптиная Пустынь. На строго монашескихъ основаніяхъ онъ собралъ въ Молдавіи многолюдное монашеское братство, послужившее образцомъ для русскихъ обитателей. Обладая особымъ даромъ организаціи и объединенія онъ создалъ въ своемъ монастырѣ нѣкоторый духовно-просвѣтительный центръ, какъ бы опытную Академію духовной жизни, гдѣ воспиталось не мало будущихъ русскихъ старцевъ, распространившихъ ученіе и завѣты старца Паисія по русскимъ монастырямъ.

Таковы труды и заслуги старца Паисія, возстановителя строго общежительнаго монашества и основоположника русскаго старчества XIX вѣка.

Предлагаемые вниманію читателей очерки о старцѣ Паисіи являются извлеченіемъ изъ полнаго жизнеописанія Старца, составленнаго нами ко 200-лѣтію со дня его рожденія, исполнившемуся 21-го декабря 1922 года, на основаніи не только печатныхъ, но и рукописныхъ матеріаловъ, до сихъ поръ еще не появлявшихся въ печати.

«Я съ великимъ усердіемъ искалъ себѣ наставника и не находилъ. Отъ этого я испытывалъ великую скорбь. Ибо спасеніе души не иначе можетъ съ успѣхомъ достигнуто, какъ только при помощи истиннаго духовнаго наставника, который и себя самого понуждаетъ жить по заповѣдямъ Божиимъ». (Изъ бесѣдъ старца Паисія Величковскаго).

Старецъ Паисій Величковскій родился 21-го декабря 1722 года въ Полтавѣ, въ старинной благочестивой и пользовавшейся общимъ уваженіемъ и любовью семьѣ настоятеля Полтавскаго Успенскаго Собора, протоіерея Іоанна Величковскаго. По

имени св. митрополита Петра, память котораго приходится 21-го декабря, ребенокъ былъ названъ Петромъ. На пятомъ году жизни онъ потерялъ отца, а на седьмомъ году былъ отданъ матерью въ соборную школу, гдѣ изучалъ букварь, часословъ, и псалтирь. Выучившись читать, Петръ предался «ненасытному» чтенію книгъ. По его словамъ, онъ въ дѣтствѣ прочиталъ все священное писаніе Ветхаго и Новаго За-вѣта, житія святыхъ, поученія св. Іоанна Златоуста и св. Ефрема Сирина. Съ ран-няго дѣтства онъ увлекался подвигами святыхъ и особенно пустынножителей и меч-талъ проводить, подобно имъ, жизнь въ пустынѣ, въ уединеніи, въ скудости, въ тру-дахъ и молитвѣ, подражая нищетѣ и простотѣ Христовой. Уже въ это время въ немъ обнаружались всѣ главныя свойства его души: глубокая преданность Богу, кротость, ясность, скромность, доходившая иногда до робости, и вмѣстѣ съ тѣмъ настойчи-вость и непреклонность въ достиженіи поставленной себѣ цѣли, постоянное само-углубленіе, молитвенная собранность и умиленность духа. Когда ему исполнилось 12 лѣтъ, умеръ его старшій братъ, бывшій настоятель собора по смерти отца. Тогда мать повезла Петра въ Кіевъ, къ архіепископу Рафаилу Заборовскому и просила зачислить за сыномъ священническое мѣсто его отца и брата. Мальчикъ понравился архіепископу, и онъ по просьбѣ матери положилъ резолюцію: «быть ему наслѣдни-комъ», и велѣлъ отдать Петра въ Кіевскія Братскія Училища, т. е. въ младшее отдѣ-леніе Кіевской Академіи. Поступивъ въ Академію, Петръ первые годы учился очень прилежно, но потомъ «жажда монашества стала превозмогать усердіе къ наукѣ». Послѣдованіе Христу и строгое исполненіе Евангельскихъ заповѣдей — сдѣлались его завѣтной цѣлью. Имѣя всего 14 лѣтъ отъ роду, онъ поставилъ себѣ за правило: 1) ближняго своего не осуждать, хотя бы собственными глазами видѣлъ его согрѣ-шающимъ; 2) ни къ кому не питать ненависти; и 3) отъ всего сердца прощать обиды. Въ Академіи онъ подружился съ единомышленными товарищами: собираясь гдѣ-нибудь, въ тихомъ и уединенномъ уголкѣ Братскаго монастыря, они цѣлыя ночи проводили въ задушевныхъ бесѣдахъ о монашествѣ и пустынножительство и давали другъ другу обѣщанія и клятвы не постригаться и не жить въ богатыхъ монастыряхъ, гдѣ невозможно «подражать нищетѣ Христовой» и спасать свои души «во всякомъ злостраданіи и тѣснотѣ». «Лучше ужъ, говорили они, оставаться въ міру, нежели, отрекшись на словахъ отъ мірскихъ благъ, проводить въ монастырѣ жизнь беззабот-ную и широкую, на соблазнъ мірянамъ, на поруганіе монашескаго образа, на вѣчное осужденіе душъ своихъ въ день Суда Божія».

По праздникамъ и въ свободные дни Петръ посѣщалъ Кіевскія святыни — Со-фійскій соборъ, Михайловскій монастырь, Китаевскій скитъ и, въ особенности, Свя-тую Печерскую Лавру. Здѣсь онъ нерѣдко оставался и ночевать, среди странниковъ и богомольцевъ, или на ближнихъ пещерахъ, или на Лаврскомъ дворѣ близъ коло-кольни. Когда же раздавался звонъ къ заутрени, онъ вмѣстѣ съ народамъ входилъ въ «небеси подобную» великую лаврскую церковь, гдѣ его умиляли красота службы

и дивное пѣніе. Посѣщая святыя пещеры, онъ проникался ихъ глубокимъ безмолвіемъ и какъ бы живыми видѣлъ передъ собою печерскихъ угодниковъ. Въ братскомъ монастырѣ Петръ нашелъ своего перваго духовнаго руководителя, іеросхимонаха Пахомія, много лѣтъ прожившаго ранѣе въ пустынѣ и въ странствованіи. Пахомій снабжалъ Петра святоотеческими книгами и своими рассказами еще больше возбуждалъ въ немъ жажду монашескаго подвига. Увлекаемый своимъ настроеніемъ, Петръ сдѣлалъ было попытку поступить послушникомъ въ Китаевскій скитъ, но его не приняли туда, опасаясь гнѣва матери.

Охлаждавая все болѣе и болѣе къ ученію, Петръ, дойдя до «синтаксимы», всѣмъ пересталъ учиться. Тогда одинъ изъ его товарищей, его землякъ, пошелъ къ префекту Академіи, которымъ тогда былъ Сильвестръ Кулебяка и доложилъ ему, что Величковскій ничего не дѣлаетъ, и его мать напрасно на него тратится. Префектъ послалъ двухъ учениковъ привести къ нему Величковскаго и, когда тотъ явился, между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

Почему ты пересталъ учиться? — спросилъ префектъ.

Петръ твердо и опредѣленно отвѣтилъ: «я пересталъ учиться по тремъ причинамъ. Первая причина та, что имѣя непреклонное намѣреніе стать монахомъ и сознавая неизвѣстность смертнаго часа, я хочу какъ можно скорѣе принять постриженіе. Вторая причина, что отъ внѣшняго ученія я не чувствую никакой пользы для души, такъ какъ слышу въ немъ лишь имена языческихъ боговъ и мудрецовъ — Платона, Аристотеля, Цицерона... Учасъ у нихъ мудрости, современные люди до конца ослѣпились и отступили отъ праваго пути: слова умныя произносятъ, а внутри полны мрака и тьмы, и вся мудрость ихъ только на языкѣ. Не чувствуя пользы отъ такого ученія и опасаясь, какъ бы мнѣ и самому отъ него не развратиться, я и оставилъ его. Третья причина слѣдующая: разсматривая плоды сего ученія въ духовныхъ лицахъ монашескаго чина и замѣчая, какъ они, подобно мірскимъ сановникамъ, пребываютъ въ великой чести и славѣ и во всякомъ тѣлесномъ покоѣ, украшаются дорогими одеждами и ѣздятъ на прекрасныхъ лошадахъ и въ отличныхъ экипажахъ (не въ осужденіе говорю, да не будетъ!), боюсь и трепещу, какъ бы и самому, долго пробывши въ Училищахъ и научившись внѣшней мудрости и ставши монахомъ, не впасть не въ такія только, но и въ худшія еще немощи. Вотъ по всѣмъ этимъ причинамъ я и оставилъ внѣшнее ученіе». Префектъ разсердился и пригрозилъ Петру безпощаднымъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Тогда Петръ рѣшилъ бѣжать изъ Академіи. Дождавшись лѣта, онъ пріѣхалъ въ Полтаву, чтобы въ послѣдній разъ повидаться съ матерью. Будучи единственнымъ, оставшимся въ живыхъ изъ 11-ти дѣтей, онъ былъ предметомъ ея безграничной любви и всѣхъ ея надеждъ. Петръ попробовалъ было заговорить съ матерью о поступленіи въ монастырь, но эти слова привели ее въ такое отчаяніе, что онъ долженъ былъ замолчать, не отказываясь однако въ глубинѣ души отъ своего намѣренія. Мать предчувствовала предстоящую ей скорбь и,

когда окончилось лѣто, проводила сына до Рѣшетилówki (въ 36 верстахъ отъ Полтавы), и здѣсь, обливаясь слезами, умоляла его не бросать ученія и не покидать своей матери. Плакалъ и Петръ и, падая къ ногамъ матери, цѣловалъ ей руки и просилъ ея материнскаго благословенія. Мать благословила его, и они разстались. Какъ ни больно было Петру покинуть мать, но въ душѣ своей онъ испытывалъ глубокой миръ и радость, сознавая, что преодолѣлъ самыя сильныя узы міра и, свободный, можетъ теперь всецѣло предаться Единому Богу. По прибытіи въ Кіевъ, онъ сталъ искать способа осуществить свое намѣреніе. Его цѣлью было — отдаться страннической жизни, уйти въ пустынное и безмолвное мѣсто, найти опытнаго духовнаго наставника и подъ его руководствомъ проводить жизнь въ скудости, трудѣ, молитвѣ и въ чтеніи Слова Божія и святоотеческихъ книгъ. Въ это время ему было около 18 лѣтъ.

Прежде всего Петръ рѣшилъ направиться въ Черниговъ, гдѣ въ то время проживалъ упомянутый уже нами его первый руководитель въ духовной жизни, іеросхимонахъ Пахомій, и попросить у него совѣта и наставленія. Оставивъ свои вещи въ Кіевѣ на квартирѣ, Петръ уговорился со старикомъ-лодочникомъ, который и повезъ его на утлой лодкѣ по Днѣпру и Деснѣ въ Черниговъ. Приближался уже октябрь, и Петру пришлось много перетерпѣть бѣдъ и лишеній на своемъ пути. Наконецъ, онъ добрался до Чернигова. Пахомій принялъ его съ любовью и направилъ его въ Любечскій монастырь, расположенный на берегу Днѣпра, на польской границѣ. Въ то время въ Любечскомъ монастырѣ былъ очень хорошей и опытный игумень Никифоръ. Онъ ласково принялъ Петра и сразу же далъ ему «келарное» послушаніе, поручилъ ему завѣдывать монастырскою кладовою. Въ Любечскомъ монастырѣ Петръ прожилъ около пяти мѣсяцевъ и испыталъ здѣсь и свои первыя монашескія радости и свои первыя искушенія. Когда онъ получилъ отъ игумена свой первый монашескій подрясникъ изъ грубаго сукна, поношенный и ветхій, онъ принесъ его въ свою келлю, какъ величайшее сокровище и, прежде чѣмъ облечься въ него, нѣсколько разъ поцѣловалъ его. Для духовнаго руководства игумень далъ Петру книгу преп. Іоанна Лѣствичника. Книга эта такъ пришлась по душѣ Петру, что онъ рѣшилъ списать ее для себя, пользуясь свободнымъ отъ послушанія ночнымъ временемъ. Не имѣя свѣчи, онъ заготовлялъ длинныя лучины, при свѣтѣ которыхъ и списывалъ книгу. Дымъ отъ лучины наполнялъ комнату и мѣшалъ дышать. Тогда Петръ открывалъ на время окно, провѣтривалъ комнату и снова принимался за работу. За время своего пребыванія въ Любечскомъ монастырѣ онъ списалъ больше половины книги. Иногда игумень назначалъ Петра читать въ трапезѣ. И когда случалось какое-нибудь особенно трогательное житіе, и Петръ читалъ его такимъ способомъ, какому былъ наученъ въ школѣ, то многіе монахи приходили въ умиленіе, плакали и переставали ѣсть. А нѣкоторые даже вставали изъ за стола, окружали Петра и слушали со слезами. Хорошо было жить Петру въ Любечѣ. Но пришло искушеніе, и потерялъ онъ душевный миръ. Замѣтили монахи его молодость и доброту. И стали чуть не

всѣ, не только простые, но и іеродіаконы и іеромонахи приходять къ нему и выпрашивать у него — кто муки пшеничной, кто — пшена, кто — масла, и т. д. Видя, какъ они передъ нимъ смиряются, Петръ отъ стыда не могъ въ лицо имъ взглянуть, и, заглушая свою совѣсть, не смѣлъ отказывать имъ въ ихъ просьбахъ. Стали приходять къ нему и повара и, пользуясь его слабостью, упрасивали выдавать для трапезы двойную порцію, увѣряя, что отъ этого трапеза будетъ лучше. Всѣ братія были очень довольны и хвалили Петра за его заботливость о нихъ. Петръ выражалъ притворную радость, но въ глубинѣ души мучился, что раздаеть монастырскіе запасы, безъ вѣдома и благословенія игумена. Чѣмъ бы это кончилось, неизвѣстно, но только въ одно время добрый игумень Никифоръ былъ переведенъ въ другой монастырь, а на его мѣсто назначенъ «ученый мужъ» Германъ Загоровскій, который сталъ управлять обителью «властительно». Распознавъ характеръ новаго игумена, братія пришли въ страхъ и стали разбѣгаться изъ монастыря. Наступила очередь и Петра. За небольшую оплошность онъ былъ такъ собственноручно избить игуменомъ и такъ былъ имъ напуганъ, что рѣшилъ послѣдовать общему примѣру и скрыться изъ обители.

На шестой недѣлѣ Великаго Поста, сговорившись съ другимъ послушникомъ, они ночью перешли по льду Днѣпръ, благополучно миновали польскую стражу и начали свое странствованіе по правобережной Украинѣ, направляясь къ югу. И въ этомъ новомъ странствованіи много пришлось испытать Петру опасностей и огорченій. Въ то время положеніе православныхъ въ правобережной Украинѣ было тяжелое. Ихъ преслѣдовали уніаты и польскіе помѣщики. Подымалась гайдачина. Всюду ходили польскія команды, усмирявшія и ловившія гайдамаковъ. Когда Петръ и его спутники прошли уже далеко на югъ и въ одномъ селеніи разспрашивали мѣстнаго дьячка о томъ, какъ имъ пробраться въ Молдовлахію, они услышали отъ него слѣдующій рассказъ: «Не совѣтую вамъ въ настоящее время идти туда. Теперь по всѣмъ дорогамъ ѣздять у насъ солдаты для поимки разбойниковъ и, если вы попадете къ нимъ въ руки, бѣда вамъ будетъ. Они ненавидять православныхъ. Недавно въ нашемъ селѣ былъ такой случай. Мой предшественникъ, опасаясь доноса со стороны враговъ православной вѣры, читая за литургіей символъ вѣры, вставлялъ въ восьмомъ членѣ символа вмѣсто уніатскаго «и сына» — слово «истинна», и этимъ способомъ нѣкоторое время прикрывалъ свое православное чтеніе символа вѣры. Однако со временемъ на него всетаки донесли мѣстному помѣщику, что онъ читаетъ символъ вѣры не по уніатски. Узнавъ объ этомъ, помѣщикъ взялъ съ собою солдатъ и пришелъ во время литургіи въ церковь. Когда дьячекъ выступилъ на середину церкви для чтенія символа вѣры, помѣщикъ подошелъ къ нему вплотную и сталъ вслушиваться въ каждое его слово. Дьячекъ понялъ, съ какою цѣлью подошелъ къ нему помѣщикъ и сталъ читать символъ особенно медленно, громко и торжественно, а когда дошелъ до восьмого члена, то, исполнившись благодати св. Духа, еще громче и отчетливѣе возгласилъ:

«И въ Духа Святаго, Господа Животворящаго, иже отъ Отца исходящаго...», откинувъ то слово «истинна», которое онъ раньше по малодушію прибавлялъ. Услышавъ произнесенные дьячкомъ слова символа, помѣщикъ пришелъ въ ярость, и, не давъ ему окончить чтенія, бросился на него, какъ дикій звѣрь, и схвативъ его за волосы, кинулъ его на землю и сталъ топтать его ногами, а затѣмъ приказалъ солдатамъ вытаскать его изъ церкви и бить палками. О случившемся сообщили матери дьячка. Та прибѣжала къ сыну и, обливаясь слезами, убѣждала его не падать духомъ, но отдать и самую жизнь свою за православную вѣру. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ побоевъ, доблестный мученикъ за вѣру предалъ душу свою въ руки Божіи...» Выслушавъ этотъ рассказъ, Петръ и его спутники пришли въ страхъ и не рѣшились продолжать своего путешествія. Они повернули на востокъ, къ монастырямъ, расположеннымъ на берегу Днѣпра. По пути Петръ встрѣтилъ одного пустынножителя, и ему показалось, что онъ нашель, наконецъ, желаннаго духовнаго наставника. Пустынникъ этотъ проживалъ на островѣ одной рѣки. Имя ему было Исихій. Онъ отличался большою ревностью къ чтенію и списыванію отеческихъ книгъ. Однажды, узнавъ, что въ отдаленномъ монастырѣ черниговской епархіи имѣется еще нечитанная имъ святоотеческая книга, онъ отправился туда пѣшкомъ, выпросилъ съ большимъ трудомъ у игумена монастыря эту книгу, принесъ ее на свой островъ, переписалъ и отнесъ книгу обратно. Замѣчая высокую жизнь этого старца, Петръ сталъ просить его позволить ему жить съ нимъ на его островѣ. Но Исихій не соглашался принять его къ себѣ: «О, чадо, говорилъ онъ, я человекъ грѣшный и недостойный. Я не въ состояніи направить на путь Божій и мою собственную бѣдную душу, какъ же я осмѣлюсь принять тебя? Прошу тебя — не отягощай меня твоею просьбою». Напрасно Петръ въ теченіе трехъ дней не отходилъ отъ этого старца и, обливаясь слезами, такъ, что все лицо его распухло отъ слезъ, умолялъ Исихію не отталкивать его отъ себя, Исихій остался непреклоннымъ. Онъ съ любовью отпустилъ Петра, предсказавъ ему, что онъ въ свое время и въ другомъ мѣстѣ найдетъ свой путь спасенія. Простившись со старцемъ, Петръ пришелъ въ Медвѣдовскій монастырь святителя и чудотворца Николая, и здѣсь радушно былъ принятъ игуменомъ. Мѣсяць спустя онъ былъ постриженъ въ первую степень монашества — рясофоръ — и ему дано было новое имя — Платонъ. Игумень указалъ Платону и старца для духовнаго руководства. Но когда Платонъ попросилъ старца дать ему келейное правило, старецъ отвѣтилъ: «Ты, братъ, ученый, поэтому я не опредѣляю тебѣ правила, а какъ Богъ тебя вразумитъ, такъ и содержи правило въ келліи своей». Упомянувъ объ этомъ въ своихъ запискахъ, старецъ съ грустью заключаетъ: «Такъ я и остался, какъ овца заблудшая, безъ пастыря и наставника, и всю мою послѣдующую жизнь провелъ въ самочиніи и самоволіи. И нигдѣ не пришлось мнѣ пожить въ повиновеніи у какого-либо отца, хотя, какъ вижу устройство моей души въ юности было весьма удобопрекленно къ повиновенію.»

Въ Медвѣдовскомъ монастырѣ Платонъ прожилъ около полугода. Монастырь

былъ закрытъ уніатами, и церковь запечатана. Богослуженіе прекратилось. Монахи разошлись. Не зная, что дѣлать, Платонъ присоединился къ двумъ послушникамъ, направлявшимся въ Кіево-Печерскую Лавру и, послѣ многихъ затрудненій, пришелъ вмѣстѣ съ ними въ Кіевъ. Такимъ образомъ, пройдя лѣвобережную и правобережную Украину въ поискахъ безмолвія и духовнаго руководства и не найдя ни того, ни другого, Платонъ возвратился туда, откуда вышелъ. Вмѣсто бѣднаго, пустыннаго пребыванія, котораго съ дѣтства жаждала душа его, онъ оказался въ великой, богатой и шумной Кіевской Лаврѣ. Въ то время въ Кіевской Лаврѣ жило не мало подвижниковъ высокой жизни, о которыхъ старецъ Паисій подробно рассказываетъ въ своихъ запискахъ. Въ Лаврѣ Платона полюбили, послушаніе ему дали въ граверной мастерской, а по праздникамъ онъ долженъ былъ пѣть на правомъ клиросѣ и читать акаѳисты и каноны для богомольцевъ. Въ Лаврѣ Платонъ встрѣтился со своими родственниками изъ Полтавы, пришедшими въ Кіевъ на богомолье и узналъ отъ нихъ о судьбѣ своей матери. Послѣ отъѣзда Петра изъ Полтавы мать, долго не получая отъ него писемъ, очень волновалась и часто плакала. Когда же дошло до нея извѣстіе, что онъ скрылся изъ Кіева, она въ суровую зиму отправилась его разыскивать. Она обошла всѣ Кіевскіе монастыри и скиты, но нигдѣ не отыскала ни малѣйшихъ слѣдовъ его. Усталая, разбитая и измученная она вернулась домой. Цѣлые дни и ночи она проводила въ тоскѣ и слезахъ и, наконецъ, въ отчаяніи рѣшила уморить себя голодомъ. Никакіе уговоры не могли заставить ее съѣсть маленькій кусочекъ хлѣба. Она дошла до полнаго изнеможенія и не въ силахъ была подняться съ постели. Въ это время ей было видѣніе. Она увидѣла себя окруженной злыми демонами, которые готовились завладѣть ея душой. Въ ужасѣ она потребовала акаѳистъ Божьей Матери и стала читать его. Поднявши съ молитвою свой взоръ къ небу, она увидѣла надъ собою ангела и услышала его слова: «Безумная, что ты дѣлаешь! Ради своей безразсудной любви къ сыну ты отвратилась отъ Бога и Создателя своего и задумала уморить себя голодомъ и навѣки погубить свою душу. Знай, что сынъ твой не безъ воли Божіей избралъ монашескую жизнь. И ты не скорби объ этомъ, но покорись волѣ Божіей и сама отрекись отъ міра и иди въ монастырь!» Услышавъ эти слова, больная радостно воскликнула: «если такова воля Божія, то я уже никогда не буду скорбѣть о своемъ сынѣ». Съ этого момента она успокоилась, пришла въ себя, стала понемногу употреблять пищу и, наконецъ, совсѣмъ поправилась. Выздоровѣвъ, она поступила въ Полтавскій женскій монастырь, гдѣ и прожила мирно и спокойно до самой своей смерти. Испытавъ неудачу въ поискахъ безмолвія и духовнаго руководства, Платонъ сталъ понемногу свыкаться съ лаврской жизнью и пишетъ въ своихъ запискахъ, что никогда бы и не подумалъ объ уходѣ изъ Лавры, если бы не случилась неожиданная встрѣча съ товарищемъ по школѣ, съ которымъ они когда-то проводили въ бесѣдахъ цѣлыя ночи въ оградѣ Братскаго монастыря и давали другъ другу клятвы не поселяться и не жить въ богатыхъ и шумныхъ монастыряхъ. Этотъ

товарищъ напомнилъ Платону ихъ клятвы и уговорилъ предпринять новое странствованіе.

Съ величайшими предосторожностями, подъ руководствомъ опытнаго проводника, бѣглецы направились къ польской границѣ. Но проводникъ оказался предателемъ и предупредилъ объ ихъ бѣгствѣ мать товарища Платона, и она съ помощью своихъ родныхъ задержала сына на границѣ, предоставивъ Платону одному продолжать свой путь. Великимъ постомъ 1743 года Платонъ пришелъ въ Мотронинскій монастырь. Тамъ въ это время проживалъ молдовлахійскій старецъ, русскій уроженецъ, іеросхимонахъ Михаилъ, который очень полюбилъ Платона, часто съ нимъ бесѣдовалъ, давалъ ему книги для чтенія и, наконецъ, послѣ праздника Пасхи отправилъ его вмѣстѣ съ другими своими учениками въ Молдовлахію, куда и самъ собирався придти въ скоромъ времени. Со страхомъ проходили путники польскую Украину, опасаясь встрѣчи съ военными разъѣздами. Однако, все обошлось благополучно. Достигши Днѣстра, они на лодкѣ переплыли рѣку и вошли въ предѣлы Молдовлахіи.

Первое пребываніе старца Паисія въ Молдовлахіи продолжалось около трехъ лѣтъ. Эти годы можно назвать самымъ лучшимъ, счастливымъ временемъ его послушнической жизни. Въ Молдовлахіи онъ нашелъ и желанное ему пустынное безмолвіе, и опытныхъ наставниковъ въ духовной жизни. Вслѣдствіе непріятныхъ въ то время для монашества условій въ Россіи, молдовлахійскіе монастыри и скиты были переполнены русскими иконами высокой жизни. Обходя разныя обители, Платонъ присматривался къ жизни старцевъ, слушалъ ихъ бесѣды, учился у нихъ. Въ скиту «Долгоуцы» Платонъ увидѣлъ старца Досіея, жившаго въ сторонѣ отъ скита, въ уединенной келіи, въ очень живописной мѣстности. У старца былъ небольшой огородъ, который давалъ пропитаніе ему и жившему съ нимъ единомудушному брату. Привѣтливый и благоговѣйный старецъ училъ Платона крѣпко держаться заповѣдей Христовыхъ и ни въ чемъ не отступать отъ правилъ и ученія Церкви.

Въ скиту «Трейсжены», куда собственно и былъ посланъ Платонъ іеросхимонахомъ Михаиломъ, онъ нашелъ 12 братій, жившихъ вмѣстѣ въ общежитіи, и около 15, жившихъ уединенно вокругъ скита, каждый въ особой келліи. Всѣ они добывали себѣ пропитаніе и одежду трудами рукъ своихъ. Здѣсь впервые услышалъ Платонъ церковныя службы, совершаемыя строго по Аѳонскому чину «съ великимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ». Въ этомъ скиту Платонъ нашелъ своего земляка, уроженца Полтавскаго полка, схимонаха Протерія, большого любителя птицъ. Онъ пріучилъ ихъ слетаться къ его келліи. Когда онъ открывалъ окно, птицы влетали въ комнату и клевали приготовленныя имъ зерна. Когда Протерій шелъ въ церковь, птицы летѣли за нимъ, а нѣкоторыя садились ему на плечи и голову и звонко распѣвали. Когда онъ входилъ въ церковныя двери, птицы взлетали на крышу церкви и ожидали его выхода. Какъ только онъ появлялся, онѣ снова окружали его и провожали до келліи. Старецъ Паисій рассказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ онъ на-

учился въ этомъ скиту варить пищу и печь хлѣбы. Между тѣмъ изъ Мотронинскаго монастыря пришелъ въ Трейстены іеросхимонахъ Михаилъ и съ нимъ, къ удивленію и радости Платона, тотъ самый его товарищъ, который уговорилъ его бѣжать изъ Кіево-Печерской Лавры. Оказалось, что ему удалось усыпить бдительность своей матери, и онъ на лодкѣ уплылъ изъ Кіева внизъ по Днѣпру, а потомъ пробрался въ Мотронинскій монастырь. Прибытіе старца Михаила въ скитъ доставило всѣмъ большую радость. Всѣ очень любили этого старца, который былъ ихъ общимъ духовнымъ наставникомъ. Съ его прибытіемъ жизнь въ скиту стала одушевленнѣе. Старецъ имѣлъ обыкновение по воскресеньямъ и праздникамъ послѣ обѣда собирать братію около церкви на травѣ подъ деревьями и вести бесѣду. Здѣсь каждый могъ обращаться къ нему со своими вопросами и онъ отвѣчалъ имъ. Онъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ, а нерѣдко и со слезами. Онъ особенно любилъ уговаривать братію не поддаваться духу времени, не вести жизнь «безстрашную», но свято хранить законъ Христовъ и завѣты древнихъ отцовъ Церкви.

Такія же бесѣды онъ велъ иногда и по вечерамъ: въ свѣтлую лунную ночь собиралась братія на той же полянѣ около церкви и слушали старца до полуночи. Эти бесѣды имѣли большое вліяніе на Платона — онъ одушевляли его, возбуждали и укрѣпляли въ немъ рѣшимость всецѣлаго служенія Богу. Но онъ понималъ, что христіанская жизнь не исчерпывается разговорами, хотя бы и самыми высокими, и самыми искренними. Христосъ требуетъ отъ насъ, чтобы наши пожеланія и рѣшенія непременно закрѣплялись бы живымъ, хотя и не большимъ дѣломъ: «Сотворивый и научивый, той велій наречется въ царствіи небесномъ». «Вѣрный въ маломъ, и во многомъ будетъ вѣренъ, а невѣрный въ маломъ, и во многомъ будетъ невѣренъ». Поэтому Платонъ старался все слышанное имъ сейчасъ же, по мѣрѣ силъ, осуществлять въ своей жизни, и такимъ опытнымъ и жизненнымъ путемъ достигать все большаго и большаго духовнаго возростанія, прибрѣтать все большій и большій духовный опытъ. Однако мирная жизнь Платона была нарушена однимъ неожиданнымъ искушеніемъ. Начальникъ скита поселилъ Платона въ келліи, находившейся недалеко отъ скита, но довольно далеко отъ церкви. Живя тамъ, Платонъ однажды такъ крѣпко уснулъ, что не слышалъ звона къ заутренѣ, день былъ воскресный. Когда онъ проснулся и пришелъ въ церковь, то оказалось, что уже прочитали Евангеліе и пѣли канонъ. Отъ стыда Платонъ не вошелъ въ церковь и вернулся въ свою келлію, обливаясь слезами. Онъ не пошелъ и къ литургіи, но отойдя подальше отъ своей келліи, лежалъ на травѣ и плакалъ. Когда, послѣ литургіи, братія собрались въ трапезу, то всѣ удивлялись необычному отсутствію Платона въ церкви. Наконецъ, старецъ Михаилъ сказалъ: «Отцы и братія, прошу васъ ради Господа — потерпимъ немного съ трапезою и пошлемъ узнать, что случилось съ нашимъ братомъ Платономъ». Посланный монахъ (Аѳанасій, переписчикъ книгъ) не безъ труда отыскалъ плачущаго Платона и сталъ его спрашивать, что съ нимъ случилось. вмѣсто отвѣта Платонъ

сталъ только сильнѣе плакать. Наконецъ, послѣ долгихъ уговоровъ, онъ едва могъ объяснить монаху причину своихъ слезъ. Тогда монахъ сталъ успокаивать его и убѣждалъ его идти въ трапезу, гдѣ безъ него не хотятъ садиться за столъ, ни старецъ, ни начальникъ, ни братія. Платонъ не соглашался идти и умолялъ оставить его. «Съ какимъ лицомъ, говорилъ онъ, я покажусь на глаза братіи послѣ всего случившагося!» Но монахъ не отставалъ отъ него и, наконецъ, убѣдилъ Платона идти въ трапезную. Когда они вошли въ трапезную и Платонъ увидѣлъ передъ собою старца и всю братію, сидящихъ за столомъ въ ожиданіи Платона, онъ упалъ на полъ и залился слезами. Узнавъ отъ монаха причину его слезъ, старецъ и братія подошли къ нему, подняли его, стали утѣшать и успокаивать, посадили за столъ и уговаривали ѣсть. Но Платонъ отъ стыда, горя и слезъ едва могъ съѣсть маленькій кусочекъ хлѣба. Когда послѣ трапезы Платонъ ушелъ къ себѣ въ келлію, старецъ задержалъ братію и сказалъ: «Посмотрите, какую ревность и какую огненную печаль имѣетъ этотъ юный братъ нашъ! Невольно пришлось ему пропустить молитву, и какъ онъ опечалился душою, Какъ горько скорбитъ и плачетъ. Молитесь и вы Христу Богу отъ всей души, понуждая себя на всѣ заповѣди Его, да дастъ Господь и вамъ всѣмъ такую же ревность и печаль огненную по Богѣ!». Съ этого случая Платонъ положилъ себѣ за правило во все время пребыванія своего въ скиту не ложиться для сна въ постель, но спать сидя.

Во время пребыванія старца Михаила въ Трейстенахъ пришелъ къ нему для свиданія изъ отдаленнаго горнаго скита «Кярнулъ» старецъ Онуфрій. Онъ много рассказывалъ братіи о своей жизни въ пустынѣ, о красотѣ своего мѣста, о его здоровомъ воздухѣ и чистой, вкусной водѣ. Его рассказы возбудили въ Платонѣ сильное желаніе посмотреть его скитъ и вотъ, съ разрѣшенія старца Михаила, Платонъ и еще нѣсколько братій отправились вмѣстѣ съ Онуфріемъ въ Кярнулъ. Шли они превеликими лѣсами, высочайшими горами и глубокими долинами, и на третій день достигли Онуфріева скита. Онуфрій жилъ въ уединенной келльѣ, на горѣ, около часа хотдбы отъ скита. Платона и его спутниковъ помѣстили въ скиту, откуда они и ходили ежедневно къ старцу Онуфрію. Келлія старца стояла на краю горы, откуда открывался чудный видъ на окрестныя горы, долины и лѣса. Пониже келліи струился источникъ свѣтлой, чистой воды, и старецъ по ступенькамъ спускался туда за водою. Старецъ проводилъ время въ молитвѣ, чтеніи, псалмопѣніи и рукодѣліи, выдѣлывая отличныя деревянныя ложки, чашки, тарелки и коробки изъ липоваго луба. Платонъ и его спутники, приходя къ старцу, слушали его рассказы о его жизни въ уединеніи, въ недоступныхъ горахъ и глубокихъ ущельяхъ, гдѣ онъ въ лѣтніе мѣсяцы долженъ былъ запасать себѣ пропитаніе на всю зиму, такъ какъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ, вслѣдствіе непроходимости дорогъ, совсѣмъ не видѣлъ лица человѣческаго. Старецъ рассказывалъ «о страстяхъ душевныхъ и тѣлесныхъ, о страшной и неотходной мысленной брани съ бѣсами, о ихъ невообразимыхъ козняхъ и ухищреніяхъ...» Если

бы, говорилъ онъ, не защищалъ своихъ людей челоѡколюбецъ Христосъ, не спасся бы воистину ни одинъ изъ нихъ. Но кто припадаетъ ко Христу Богу съ вѣрою и любовью, со смиреніемъ и слезами, тому скоро подаются неизрѣченныя утѣшенія, миръ и радость о Господѣ и любовь къ Богу горячая: свидѣтелями тому являются нелицемѣрныя слезы отъ великой любви, самоукореніе, смиреніе и ненасытное благодареніе Христу Богу, такъ что отъ любви къ Богу челоѡкъ становится нечувствительнымъ къ благамъ міра сего». Слушая рѣчи старца Онуфрія, Платонъ все больше и больше разгорался любовью къ Богу и желаніемъ пустынножительства. Подъ вліяніемъ возростающаго въ немъ чувства, онъ уходилъ въ глубину лѣса, падалъ на землю, билъ себя въ грудь и со слезами просилъ помощи у Христа - Бога, произнося свои обѣты. Въ своей келліи онъ непрестанно занимался молитвою, чтеніемъ Слова Божія и отеческихъ писаній, ежедневно се вниманіемъ испытывалъ свою совѣсть, сокрушался о своихъ грѣхахъ и ежедневно полагалъ начало своему исправленію и духовному восхожденію.

Казалось, что жизнь Платона сложилась, наконецъ, такъ, какъ онъ желалъ — его окружало глубокое пустынное безмолвіе, у него былъ опытный духовный руководитель и преданный, единоклюнный другъ. Но.. «пути Божіи — не пути челоѡческіе и мысли Божіи — не мысли челоѡческія». Платону предстояло пережить еще одинъ подготовительный періодъ своей жизни, быть на время предоставленнымъ только самому себѣ, и въ этомъ одиночествѣ и, казалось, полной духовной безпомощности окончательно созрѣть для своей будущей духовной дѣятельности, и изъ застѣнчиваго, робкаго, слабаго юноши превратиться въ самостоятельнаго, твердаго и мудраго руководителя жизни и совѣсти ищущихъ его духовной помощи. Новой перемѣнѣ въ жизни Платона посодѣйствовало слѣдующее обстоятельство.

До Платона стали доходить тревожныя слухи о томъ, что старцы, несмотря на его молодость, поговариваютъ о возведеніи его въ санъ священства. Строгій блюститель церковныхъ правилъ, старецъ Досіеей изъ скита Долгоуцы первый прослышалъ про это. Онъ пришелъ въ скитъ, гдѣ проживалъ Платонъ и, подзвывая его къ себѣ, сказалъ: Если ты хочешь принять отъ меня добрый совѣтъ, то позволь мнѣ сказать тебѣ нѣсколько словъ. Платонъ отвѣтилъ, что онъ приметъ слова старца, какъ внушенныя ему самимъ Богомъ. Тогда старецъ Досіеей сказалъ: Я хочу сообщить тебѣ, что у нашего общаго духовнаго наставника, который долженъ скоро придти сюда, старца схимонаха Василія былъ ученикъ, именемъ Паисій. Онъ съ дѣтства выросъ при старцѣ и старецъ очень любилъ его. Паисій всѣхъ превосходилъ и своимъ разумомъ и своей жизнью. Въ виду недостатка у насъ священниковъ, старецъ убѣдилъ его противъ воли принять священство раньше установленнаго церковными правилами возраста. Года три тому назадъ Паисій скончался. Старецъ не перестаетъ скорбѣть о немъ, частью потому, что потерялъ въ немъ любимаго ученика,

частью же потому, что лишился священника. Когда онъ придетъ сюда и увидитъ тебя, то, несомнѣнно, захочетъ взять тебя въ скитъ и будетъ черезъ твоего духовника спрашивать тебя, нѣтъ ли у тебя какого-нибудь препятствія къ принятію священства. И если такого препятствія не окажется, онъ будетъ уговаривать тебя идти къ нему жить и, если ты пойдешь, то онъ будетъ склонять тебя къ принятію священства. И если ты послушаешь и примешь священство ранѣе установленнаго церковными правилами возраста, то ты потомъ во всю жизнь не найдешь душевнаго покоя, такъ какъ окажешься нарушителемъ церковной заповѣди, установленной св. Апостолами и св. Соборами.»

Выслушавъ старца, Платонъ поблагодарилъ его за предостереженіе и отвѣтилъ, что, зная свое недостойнство, онъ имѣетъ намѣреніе во всю свою жизнь не принимать священства. Эти слова понравились старцу и онъ съ радостью сказалъ: Богъ да поможетъ тебѣ, братъ.

Предостереженіе старца Досіея не было напрасно. Скоро, дѣйствительно, пришелъ въ скитъ особенно уважаемый старецъ схимонахъ Василій, бывший еще въ Россіи наставникомъ вышеупомянутаго старца Михаила. Схимонахъ Василій обратилъ вниманіе на Платона и поручилъ начальнику скита узнать отъ него, не имѣется ли у Платона какого-нибудь препятствія къ принятію имъ священства, и когда узналъ, что значительнаго препятствія нѣтъ, просилъ начальника уговорить Платона перейти на жительство къ нему въ Поляномерульскій скитъ. Начальникъ сталъ уговаривать Платона, но тотъ, помня предостереженіе старца Досіея, рѣшительно отказался. Тогда старецъ Василій, догадываясь о причинѣ отказа, велѣлъ начальнику передать Платону, что онъ ни въ какомъ случаѣ не станетъ принуждать его къ принятію священства раньше установленнаго возраста. На это Платонъ отвѣтилъ, что онъ положилъ въ сердцѣ своемъ и по достиженіи установленнаго возраста не принимать на себя столь страшнаго и отвѣтственнаго сана. Услышавъ этотъ отвѣтъ, старецъ Василій не настаивалъ болѣе на своемъ предложеніи. «Такова причина, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ старецъ Паисій, по которой мнѣ не пришлось пожить вмѣстѣ со старцемъ Василиемъ въ его скиту, хотя я и очень желалъ этого».

Этотъ случай имѣлъ рѣшающее значеніе для Платона. Онъ увидѣлъ, что у старцевъ есть намѣреніе сдѣлать его священникомъ, и это его крайне смутило, встревожило и испугало, такъ какъ должно было нарушить весь намѣченный имъ для себя планъ жизни. Глубоко сознавая свое недостойнство, всегда стремясь къ жизни скромной и незамѣтной, всегда желая быть ученикомъ, а не наставникомъ, Платонъ сознавалъ, что служеніе священства является для него непосильнымъ подвигомъ и помѣшаетъ ему осуществить съ дѣтства имъ взлелѣянный путь жизни.

Это заставило его глубоко задуматься. Продолжая по внѣшности вести прежній образъ жизни, слушая бесѣды и наставленія старцевъ, нести свое послушаніе, онъ въ глубинѣ души уже намѣтилъ и обдумывалъ новый жизненный шагъ. Онъ рѣшилъ покинуть Молдовлахійскіе скиты и удалиться на Святую Аеонскую Гору, чтобы тамъ найти глубочайшее и ненарушимое безмолвіе.

ПРОТОІЕРЕЙ СЕРГІЙ ЧЕТВЕРИКОВЪ.

Братислава I. III. 1925, Прощеное Воскресеніе.
